

— Раз уж я в ударе, спою вам что-нибудь? — Ян Сян, пьяный, опёрся на стол. В левой руке он зажал чашу, несколько раз встряхнул её и наконец опрокинул в глотку. Подняв пустой сосуд, он издал протяжный крик в сторону луны, затем вскочил на ноги и принялся размахивать чашей, как фехтовальщик клинком.

Чжоу Фу, внешне похожий на скромного учёного, но на деле любивший посмеяться над пьяницами, тут же захлопал в ладоши:

— Отлично! Брат Ян, давай!

Тан Юань тоже поддержал аплодисментами. Ян Сян, разгорячённый вином и вниманием, подоткнул полу халата за пояс, встал на низкий столик и принял эффектную позу.

Но едва он открыл рот, как Чжоу Фу выплюнул добрую половину глотка.

— Кх-кх-кх...

— Что, плохо?

— Нет-нет, брат Ян, продолжай.

— «Выхожу из покоев, как предстать пред взором?

Ты твердишь: платье алеет, как мак, во дворе,

В волосах — самоцветов сверкающий сором...

Но вся жизнь моя — в страсти к природной красе».

— Пф-ха-ха-ха-ха...

Сначала Тан Юань сдерживался, но в конце концов не выдержал. Его смех был так заразителен, что Ян Сян обиженно умолк.

— И это что за вопли?

Ян Сян, надувшись, уселся обратно. Он так и норовил плеснуть вином в Тан Юаня, но, памятуя о грозной фигуре Юань Сяо за его спиной, лишь сделал несколько угрожающих движений и не решился.

— Это же Куньцзюй! Невежды! Мой прекрасный голос пропал впустую, словно для глухих!

— Ха-ха-ха, у какой это певицы в саду ты подслушал? «Прекрасный голос»... Не позорь эти слова.

— Маленький учёный, неужели правда так скверно?

— Брат Ян, признаюсь — весьма. Девушкам такое петь простительно, но тебе, мужчине, больше подошёл бы бравурный Циньцян. А уж «выхожу из покоев»... пожалуйста, не надо.

— Вы все — быки, топчущие пионы! Жгут лютни, чтобы сварить журавля!

Ян Сян, выросший среди садовых беседок и женского общества, не обратил внимания на насмешки и даже принялся их корить:

— Простолюдины! Одна лишь Хайтан хороша — и голос, и стань, и нрав куда лучше вашего, мужланов!

Он говорил всё тише и тише, пока не приник к кувшину, готовый заснуть.

Тан Юань же, с его скудной выносливостью к хмельному, хоть и пил цветочную настойку по чуть-чуть, уже управился с полкувшина. Допив последнюю чашу, он ощутил приятную дурманящую тяжесть и, улыбаясь, уставился на Юань Сяо.

— Юань Сяо, а ты не пожелаешь что-нибудь Ян Сяну?

— Всё, что нужно, я сказал ему при вступлении в должность. Будет стараться — непременно взлетит. Разве ты не прорицатель? Сам не видишь?

— Ик! Разве не слышал? Я не могу разглядеть судьбы близких. Лишь вижу, что его ждёт успех.

Тан Юань икнул, перевернул кувшин и принялся трясти его над своим ртом, бормоча:

— Нет больше вина, Юань Сяо... всё...

Вино, конечно, ещё оставалось, но он был уже слишком пьян, чтобы попасть в цель, и струйка пролилась на грудь. Лёгкая ткань халата, промокнув, плотно прилипла к телу, обрисовывая контуры и обнажая небольшой участок кожи.

Частые странствия не сделали его загорелым, а воспитание в роскоши и множество целебных снадобий, что он принимал для поддержания сил, даровали кожу удивительно нежную, словно шёлк. От этого зрелища даже Чжоу Фу покраснел и поспешил отвлечься, подхватив под руку такого же пьяного Ян Сяна.

— Брат Ян, пора домой. Ты перебрал, нечего тут на ветру сидеть.

Ян Сян в последнее время прибавил в выпивке и, хоть и изрядно нагрузился, ещё держался на ногах. Опершись на Чжоу Фу, он закачался вниз по ступеням:

— Домой... ладно... домой.

Юань Сяо проводил их взглядом, пока они не растворились в толпе ночного рынка. На башенке остались лишь они двое.

— А мне? — тихо спросил Юань Сяо, наклоняясь ближе. — Не хочешь погадать и мне? Каково моё будущее?

Тан Юань прищурился и улыбнулся:

— Не знаю. Твоя судьба слишком тесно сплетена с моей. Не разобрать.

Юань Сяо будто бы с облегчением выдохнул. Он побаивался, как бы Тан Юань не выпалил что-нибудь вроде «станешь великим полководцем, обретёшь множество жён и детей, будешь жить в покое и довольстве». Такая жизнь казалась ему невыносимой.

— Ладно, пойдём домой. Я понесу тебя.

Юань Сяо взвалил его на спину и неспешно зашагал вниз по лестнице. У ног их раскинулась сверкающая огнями столица.

На севере города кто-то запустил в небо бумажный фонарь. Юань Сяо смотрел, как тот удаляется, и в душе тоже загадал желание.

И тут Тан Юань вдруг поднял голову, уставился на уплывающую в темноту огненную точку и что-то прошептал. Так тихо, что даже Юань Сяо не расслышал.

— Что?

Тан Юань бессильно опустил голову ему на плечо и заснул сном подлинного пьяницы.

Никто так и не узнал, что он увидел в ту ночь и что сказал. Даже позже, когда Юань Сяо спрашивал его, тот лишь улыбался, глядел в небо и ничего не отвечал.

Отвечать было уже не нужно. Его желание и так сбылось.

На следующее утро Тан Юань проснулся с тяжёлой головой.

— Молодой господин, проснулись? — донёсся из-за двери голос слуги.

— Да. А отец?

— Господин ещё не вернулся с утренней аудиенции. Вероятно, что-то задержало. Чжоу Фу навестил вас, ждёт в приёмной.

— Кстати, мне как раз нужно с ним поговорить.

Тан Юань накинул одежду и быстрым шагом направился вперёд. Он и вчера собирался обсудить с Чжоу Фу кое-какое дело, но ночная попойка выбила мысли из головы. Да и Ян Сяна втягивать в это он не хотел.

— Маленький учёный, давно ждёшь?

Издали он увидел Чжоу Фу, стоящего у входа в приёмную со сложенными в рукава руками. Аккуратное лицо, западные стёкла в очках — настоящий образец учёного мужа. Заметив Тан Юаня, тот поспешил поклониться, и в каждом его слове слышалась привычная степенность:

— Потревожил вас в ранний час, прошу прощения за бесцеремонность.

— Между братьями церемонии излишни. Проходи, садись.

Тан Юань пригласил его внутрь.

— Явился так рано — значит, дело есть?

— Явился как доносчик, брат Тан. Император вызвал тебя обратно — возможно, что-то затевает.

— Ты что-то слышал?

— Надеюсь, это лишь мои домыслы. Но со слов отца: при дворе в последнее время беспокойно, император наблюдает, как тигры дерутся. Равновесие сил в столице и так висит на волоске, а теперь ещё и твой вызов. Если ты войдёшь в чиновный круг, влияние знатных родов резко возрастет, что может вызвать ответный удар. И тогда ты станешь мишенью для всех. К тому же старший брат Юань прибыл с докладом. Даже если он сам ничего не замышляет, столичные

чиновники могут вынудить его к действиям. Вчера при Ян Сяне я не решился говорить — как бы не втянуть его.

— Твоя осторожность оправданна. Ян Сян с детства под отцовским крылом. Хоть и ветрен, но простодушен. Если рассказать — наделает глупостей. — Кстати, у меня к тебе просьба есть.

— Говори.

— Чжоу Фу, твой отец — министр финансов. Я уважаю его преданность долгу, потому и решаюсь сказать. Я долго странствовал и не слишком сведущ в текущих дворцовых делах. Однако в своих скитаниях я заметил признаки утечки военного снаряжения. Раз твой отец возглавляет Министерство финансов, он должен быть в курсе. Помоги мне проследить за движением в министерстве — нет ли там неучтённых расходов.

— Должно бы не быть. Если честно, с тех пор как здоровье отца пошатнулось, я веду половину дел министерства. Никаких изъянов не заметил.

— Возможно, поток идёт в обход министерства.

— Что-то случилось?

— Да. Я подозреваю, что кто-то содержит в народе частное войско.

(Пятнадцать)

Под бескрайним небом медленно поднималась полная луна. Вместе с её восходом в столице зажигались огни ночного рынка. Толпы людей вливались на улицы, наполняя прежде пустынные переулки шумом и оживлением.

Во дворце же в ту ночь начинался иной пир. Бесчисленные алые врата растворялись и вновь смыкались, запирая за высокими стенами из красного кирпича и зелёной черепицы людские надежды, алчность и их самих.

<http://bllate.org/book/16265/1463585>